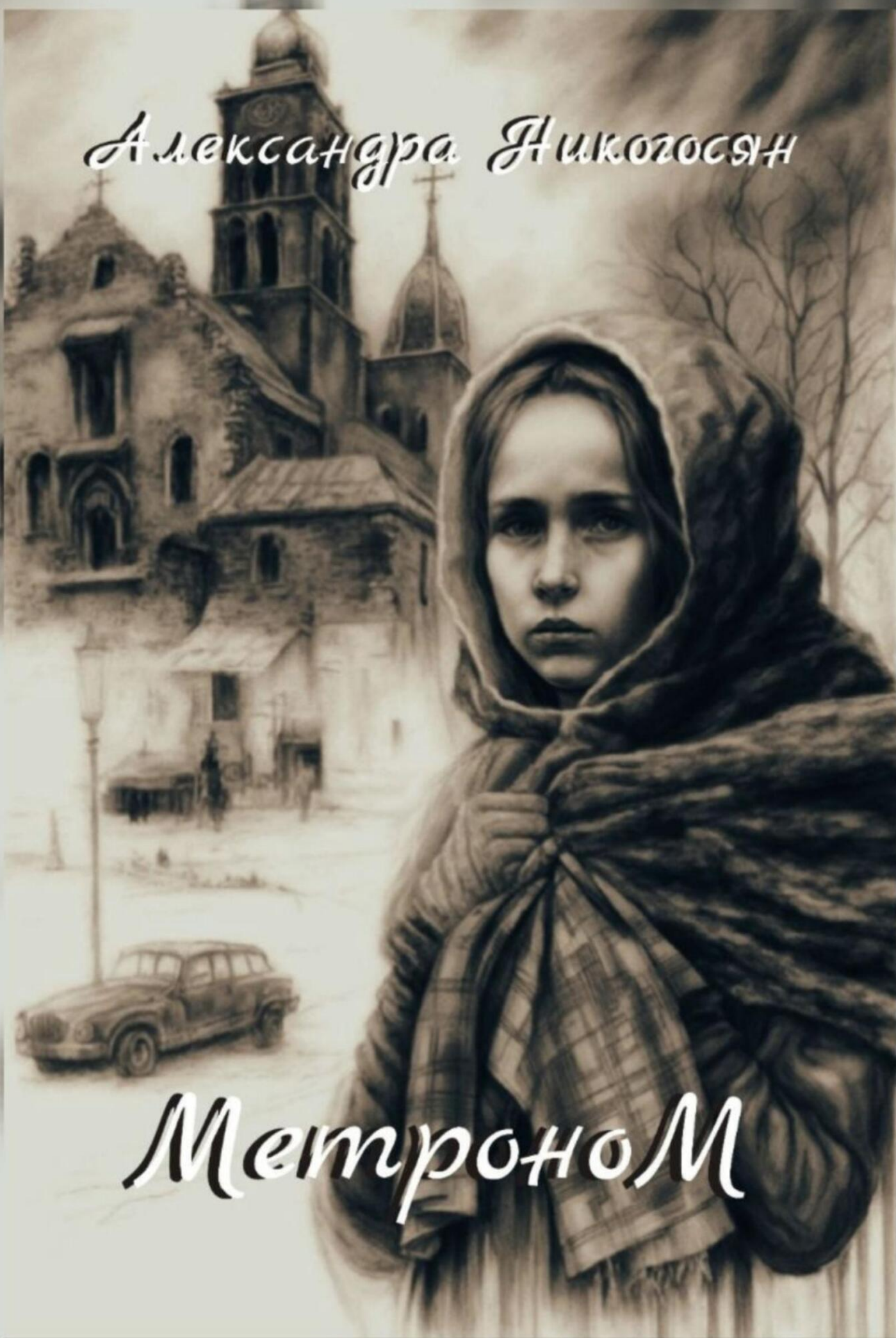

Александра Никогосян

Метроном

ВОЙНА

Александра Никогосян

Метроном

«Автор»

2023

Никогосян А.

Метроном / А. Никогосян — «Автор», 2023 — (ВОЙНА)

... Маленькая уютная коммуналка, любящие мама и папа, дружные дети и старенькая соседка-монахиня. Последнее мирное, счастливое воскресенье. Все закончилось в одно мгновение с ворвавшейся в мир войной... Блокадный Ленинград. Страх и мужество, героизм и предательство - все перевернулось и смешалось в не щадящем никого огне. Невыносимый стук метронома, сбивающий с ритма человеческие сердца. Первая похоронка. Первая любовь. Бомбы, пожары, ужас и голод. Смерть... Две сестрёнки, оставшиеся в живых после страшной бомбардировки, бредущие по незнакомому, бесконечному лесу... Как сложится судьба героев книги? Выживет ли хоть кто-нибудь из них?... Всё это было, и всё это нам не забыть никогда. Вечная вам память, родные! Книга основана на реальных событиях.

© Никогосян А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александра Никогосян

Метроном

Посвящаю эту книгу памяти всех советских людей, которым выпало жить и бороться в это страшное время.

И отдельно низкий поклон моей мамочке Аде, ветеранам ВОВ бабушке Анне и дедушкам – Льву и Исааку.

Спасибо, родные!

***

... А степная трава пахнет горечью

Молодые ветра зелены.

Просыпаемся мы –

И грохочет над полночью

То ли гроза,

То ли эхо прошедшей

Войны...

(М. Фрадкин,

Р. Рождественский)

Глава 1

– Лида! Ну Лида же! Вставай скорее! Ты забыла? – Соня всеми доступными ей средствами старалась разбудить старшую сестру.

Она вытягивала из-под ее головы подушку, пыталась стащить одеяло, но Лида не собиралась сдаваться. Полночи она читала книжку, подаренную ей на четырнадцатый день рождения, и сейчас её глаза просто отказывались открываться.

– Сонюшка, отстань! – Лида поплотнее закуталась в одеяло и, не открывая глаз, отвернулась к стене.

Четырёхлетняя Соня, самая младшая, всеобщая любимица, всхлипнула и горько сказала:

– Совсем всё забыла! И Костя уже проснулся и оделся, и мама уже завтрак приготовила, а ты всё спишь!

Лида потеряла глаза кулачками, словно маленькая. Что она забыла?

Глаза, наконец, открылись, и девочка уставилась на коврик, висевший над ее кроватью. Коврик был тканый, на нем красовалось семейство пятнистых оленей, вокруг был лес, а олени стояли возле озера. Над кроватью Сонюшки висел такой же, только вместо оленей там был пруд с парой лебедей. И еще домик со светящимся окошком. Очень красивые были коврики.

Лида смотрела на оленьё семейство возле озера, по давней детской привычке пересчитывая оленей, словно они могли куда-то с коврика сбежать. Всё, как обычно – один оленёнок выглядывает из-за кустов, трое стоят возле озера... Озеро!

Лида мгновенно скинула с себя одеяло, повернулась лицом к собиравшейся заплакать сестрёнке и схватила ее в охапку.

Соня, надув губки и сморщив курносый носик, ещё немножко пообижалась. Она была толстенькая, хорошенькая, так и хотелось прижать её к себе и зарыться лицом в каштановые шелковые кудряшки. Что Лида и сделала. Добралась до толстенького пузика сестрёнки и стала его щекотать. Соня визжала, скручивалась калачиком, подтягивая коленки к подбородку, но от смеха и щекотки совсем обессилела и взмолилась:

– Сдаюсь, Лидка, сдаюсь!

– А за «Лидку» отдельное наказание! – Лида страшно вытаращила глаза, растопырила и согнула пальцы, как когти у хищной птицы, и стала подбираться к сестрёнке. Та с громкими воплями камушком скатилась с кровати, и быстро-быстро, не поднимаясь на ноги, на четвереньках поползла к двери. Лида кинула ей вслед подушку, но не попала. Соня обернулась, состроила хитрую рожицу, показала сестре язык и захлопнула за собой двери.

Старший брат девочек, восемнадцатилетний Костя, жил в этой же комнате, но за шкафом.

Семье Богдановых в небольшой коммуналке в дореволюционном особняке с балкончиками и лепными украшениями досталось аж две комнаты, причём очень удачных – одна из комнат была угловой, с двумя окнами. Родители, получив это жилье от больницы, где работал отец, сразу же единогласно решили, что большую комнату они отдадут детям. Перегородили шкафом, и у Кости сделалась как бы своя комната, а у девочек – своя. Все были довольны.

Костя натянул между шкафом и стеной верёвочку, мама купила ему отрезок дешёвого ситца, и у Кости даже «дверь» образовалась.

Кроме Богдановых, в коммуналке проживала ещё одна соседка. Старенькая бабушка Ксения, почти не встававшая с кровати.

– Ну, трясогузки, вы оделись? – донёсся из-за шкафа голос брата. – Я выхожу!

– Ты сам трясогуз! – с обидой выкрикнула вернувшаяся в комнату Сонюшка.

– Ну, Сонюшка, чего ты обижаешься? Трясогузка – это птичка такая. Красивая. Она всё время трясёт хвостиком, поэтому её так и называли.

– Нет такого слова – трясогуз, – громко сказал Костя.

– Как это нет? – удивилась Сонюшка. – Жена – трясогузка, значит муж – трясогуз! – авторитетно заявила малышка, и, не обращая внимания на смех старшего брата, распахнула дверцы старого скрипучего шкафа с мутноватым зеркалом на дверце.

– Ну? Оделись? А то сижу тут в темнице, орёл молодой...

– Ой, держите меня! – расхохоталась Лида. – Орёл! Так и говори – воробей! У тебя там окно есть – лети!

Это было обычной перепалкой, на которую никто никогда не обижался. Потому что на самом деле Костя – орёл. Высокий, плечистый, мускулы – железные. Он мог схватить в охапку сразу обеих сестрёнок и танцевать с ними вальс.

Три недели назад он закончил школу и уже подал документы на поступление в артиллерийское училище. Танковое и летное отпадали в силу могучего телосложения Кости. Он просто в танк не влезет, а уж в самолет – тем более. Но Костя с детства мечтал о том, что он станет военным, и не просто военным, а непременно героем! Может быть, даже генералом.

Мечты эти шли вразрез с мечтами папы – Александра Юрьевича Богданова. Александр Юрьевич был потомственным врачом. Его прадед, дед и отец – все служили медицине. Только предки были семейными врачами и акушерами, а Александр стал хирургом.

Но отец не перечил сыну. Если уж он выбрал себе такую дорогу по жизни – пусть. Лишь бы не погас огонёк в его глазах. Своим первенцем Александр Юрьевич гордился по праву.

Мама, Ольга Васильевна, была преподавателем научного атеизма в университете, а все свое свободное от работы время отдавала любимой семье. Ей было всё равно, кто кем станет. Только пусть будут счастливы и здоровы. С гордостью и лёгким недоумением поглядывала на старшего сына – как это у неё, такой маленькой и тоненькой, мог родиться такой богатырь? Наверное, не одна девчонка по нему вздыхает...

Отец и сын были похожи, как две капли воды – стройные, широкоплечие, темноволосые. Красавцы, одним словом. А девочки пошли в мать – со светлыми волосами, глазастые.

После двадцати лет брака Ольга продолжала искренне и горячо любить мужа, Саша отвечал ей тем же.

Детей оба боготворили и, по возможности, отдавали все лучшее им. Водили по музеям, паркам и театрам, часами просиживали в библиотеке над какой-нибудь интересной книжкой.

Зимой для детей праздником становились лыжные походы или катание на коньках с папой. Иногда устраивали соревнование на санках – кто дальше всех проедет по заснеженному склону. Побеждал всегда Костя, но Лида и Соня не могли с этим примириться. Наваливались на брата, закапывали в сугроб, сверху усаживались сами, и ждали, с какой стороны Костя сделает подкоп. Папа стоял рядом и болел сразу за всех. Выиграть должны все! Грустных проигравших в такой отличный день быть не должно.

Костя всегда выскакивал с неожиданной стороны, хватал сестер в толстых тяжелых шубках, и обеих заваливал на снег. Обе изо всех сил барахтались, но только все глубже и глубже проваливались в сугроб...

Наигравшись, румяные и счастливые, вваливались в дом, ставили к печке, украшенной изразцами, валенки, там же, на спинках двух стульев, развешивали лыжные штаны, шарфы и пришитые к длинным резинкам варежки в катышках снега.

А после этих зимних забав мама уже ждала их с горячим борщом, или с пирожками, блинами, ватрушками, или ещё с чем-нибудь очень вкусным.

И большая печка очень удачно вписалась в квартиру. Печник выложил её так, что она обогревала сразу все три комнаты.

Один печной угол выступал в комнате родителей, второй – у детей, а третий – в комнату бабушки Ксении.

Четвертый угол печки – красавицы, с дверцей, был как бы общим – он торчал в углу прихожей, и встречал каждого пришедшего в дом. И сразу становилось веселее на душе. Если кому-то было грустно и одиноко, печка служила первой утешительницей. Пришел домой – а она на тебя теплом дышит, и голоса родные слышны. И всё, наверное, будет хорошо. Немножко подтапливали даже летом. Ленинград – это вам не Сочи. Дождливые, серые, холодные дни, довольно часто случались и летом. Печка знала немало секретов, высушила немало слез и, самое главное, – она молчала. В общем, печь в доме любили и уважали. Как без неё?

Так, ну или примерно так, думали все обитатели пятой квартиры. У них даже сложился некий ритуал: выходя на улицу, или возвращаясь в дом, каждый потихоньку ласково гладил теплый бок печки.

А Соня, однажды уразумев своим детским умишком, что делают взрослые, стала, не стесняясь, просить у печки разных милостей и вкусовностей. И, выходя из дома, сначала прижималась щекой к боку печки, гладила её и что-то горячо шептала...

– Соня! – сердилась Лида. – Что ты как дикая... Дикая дикарка! Это просто кирпичи и полешки! Как они тебе конфет купят?

А сама, пока никто не видит, прикладывала к печке ладошку и тоже что-то просила. Лёгкий билет на экзамене, или чтобы мама из-за тройки по математике не очень расстраивалась. Или чтобы Дима из соседней квартиры взглянул на нее хоть разочек... Дима Савельев был на три года старше Лиды, и, как казалось самой девочке, не обращал никакого внимания на «малышку».

На самом деле Дима давно и безнадежно был влюблён в эту беловолосую красавицу. Вот только глаз выше Лидиных туфелек никогда не поднимал. Боялся, что она над ним, лохматым, нескладным и слишком высоким, будет смеяться своим звонким, переливчатым, как колокольчик, смехом. Лида об этом даже не подозревала и продолжала вымаливать у печки хоть единственный Димкин взгляд...

У неё была даже своя, «секретная», плитка. Если прижаться к печке с правой стороны и чуточку наклонить голову, то на одной из плиток, из еле заметных трещинок и бугорков, складывалась настоящая фея – с крылышками и волшебной палочкой в руке. С ней-то Лида и вела беседы...

Но мама всё равно расстраивалась, Дима не смотрел, а билеты на экзаменах доставались такие, что даже учителя за голову хватались. И ставили тройки. Просто так, из жалости. С точными науками Лида не дружила. Вот литература, или география, или история – это ведь ой, как интересно! А всякие задачи и формулы – зачем они ей?

В общем её, Лидины, желания, печка почему-то не исполняла. Не зная, что и как просили остальные, и что из этого получалось, для себя Лида сделала вывод, что печка – это да, просто полешки и кирпичи...

Были, правда, ещё ангелочки – под самым потолком. Лепнина была очень красивая – виноградные гроздья, листья и толстенькие, прямо как Сонюшка, ангелочки. С ангелочками Лида тоже когда-то пыталась наладить связь, но и те молчали. В результате Лида поняла, что все это «потустороннее» – абсолютная чушь и ерунда, и надеяться надо только на себя.

***

Казалось, Ольга любит свою семью настолько, что готова раствориться в ней без остатка, лишь бы родным было хорошо.

Вот и вчера, за семейным ужином, выяснилось, что завтра, в это прекрасное летнее воскресенье у папы нет дежурства, и он свободен. Ольга решительно отложила все свои запланированные домашние дела, и все дружно решили отправиться в парк кататься на лодке.

Поверх ночнушки Лида накинула на себя одеяло, и разрешила, наконец, выйти брату из заточения. Костя ушёл в кухню, а Лида занялась Сонюшкой. Пересмотрела все платица в скрипучем шкафу. Подумала и выбрала матросский костюмчик. Соня взвизгнула от счастья –

одевать этот костюм ей разрешали редко – он был дорогой и очень красивый. Соня, снаружи надувая губки и выдавливая из хитрых глазёнок слёзы, внутренне была согласна – да, костюмчик не для песочницы и не для игры в мяч.

Но сегодня! Сегодня она наденет его – кататься на лодке – это же почти как на корабле вокруг света! Соня уже знала, что живут они на круглой, как мяч, планете. Часами крутила и рассматривала глобус Лиды. Один раз попыталась выяснить, почему с другой стороны планеты люди не падают на Луну, ничего не поняла, и махнула рукой. Живут – и хорошо!

– Чего ты задумалась, Соня? Сначала умываться и чистить зубы, потом причешемся, а уж потом костюмчик. Ну, бегом!

Сонюшка мячиком выкатилась из спальни и помчалась в ванную комнату. Там она потерла водой глаза, намочила зубную щетку и собралась бежать обратно. Но здравый смысл подсказал – старшая сестра разгадает все её уловки моментально. Пришлось умываться и чистить зубы долго и добросовестно.

Наконец с водными процедурами было покончено, и Сонюшка, блестя глазками, румяная и счастливая, вернулась в комнату.

Сестра причесала её легкие длинные кудряшки, заплела две толстенькие косички, в которые вплела атласные голубые ленточки, под цвет Сониных глаз. А глаза у малышки были – не оторваться! Ярко-синие, блестящие, небесные глаза.

Лида отступила в сторонку и придирчиво оглядела Соню с ног до головы.

– Ой, Сонюшка, а гольфики-то, гольфики забыли! Что ж ты молчишь?

Отыскав в одном из ящиков белоснежные гольфы, она протянула их сестре:

– Уж это сама наденешь, не барыня!

Приготовив сестрёнку к радостному семейному воскресенью, Лида занялась собой. Взглянула в зеркало и привычно сказала сама себе:

– Ну и что! Зато у меня ресницы длинные... И волосы!

Красотой Лида не отличалась – обычная девчонка со светлыми, почти белыми, прямыми волосами, курносый нос и большими серыми глазами. Но что-то неуловимо притягательное, манящее, было в девочке, хотя сама она этого пока что не осознавала и не придавала своей внешности никакого значения. Зато осознавал Костя и следил за друзьями сестры с удвоенным вниманием.

Лида выбрала из гардероба обычное голубое платьице и приложила к себе, глядя в зеркало.

– Лидочка, надень красненькое, оно такое красивое! – с восторгом глядя на старшую сестру, прошептала Соня.

– Да ну тебя, Соня, что я, попугай, что ли? Вот это синее надену, оно и к матроске твоей подходит, и вообще, я его люблю!

Девочка надела простое платьице – синее с белыми горошками, на талии застегнула тонкий лакированный пояс, привычными движениями закрутила на затылке «конский хвост», украсив его ленточкой.

Сонюшка придирчиво осмотрела сестру и сказала:

– Ну ладно, так тоже ничего.

– Ну спасибо! – рассмеялась Лида, и сестрёнки отправились завтракать.

На завтрак все собрались за большим круглым столом, покрытым плюшевой, вишнёвого цвета, скатертью с бахромой.

Под этим столом со свисавшей почти до пола бахромой, играли все дети в семье – сначала Костик, потом Лида, а теперь и Соня присоединилась к игре «в домике». И, пока сестра читала какую-нибудь свою книжку, Соня раскладывала свой «зверинец» и играла в доктора. Были у нее и медведи, и заяц, и «непонятнокто» – зелёное, с одним глазом и оторванным хвостом. Куклами Сонюшка почему-то не интересовалась. Любимцем у неё был Зая.

Стол уже был накрыт к завтраку – расставлены тарелки, стаканчики для компота, и три кофейные чашки. Под каждой тарелкой лежали отдельные салфеточки. В середине стола стоял графин с компотом, рядом красовался начищенный пузатый кофейник и чайник с какао. На большой тарелке, прикрытой полотенцем, ждали своего звёздного часа блины. О, маминны блины! С пальцами откусишь и не заметишь! Еще на столе стояли вазочки с земляничным вареньем, мёдом и сметаной.

Сёстры появились на пороге гостиной и остановились. Собственно, остановилась Соня. Ей хотелось, чтобы прежде, чем она войдет, все увидели, какая она сегодня красивая.

– Ох, – театральным жестом прикрыл ладонью глаза папа. – Это кто же к нам пришел? Я никогда в жизни не видел таких красивых девочек! А ты, Оля?

– И я не встречала. Может, это морским ветром ее к нам занесло? Тогда мы просто обязаны ее покормить! Садитесь, милая девочка, откушайте с нами блинчиков!

– А вот я думаю, что прежде, чем кормить ее блинами, надо посмотреть, откуда у нее крылья растут. – Подхватил игру Костя. Он неторопливо отодвинул свой стул, медленно, словно нехотя, подошел к затаившейся Соне, и вдруг, одним мощным прыжком прыгнул вперед и ухватил сестренку за косичку. Подтянул к себе, подхватил на руки, поднял высоко-высоко, к самому потолку, закружил-завертел, только косички с голубыми ленточками летали. Наконец отпустил сестренку и громогласно объявил:

– Крыльев нет, есть только наша Соня! Будем кормить, или пусть в уголке посидит?

– Да ладно, – сказала Лида, – Пусть поест.

Мама и папа смотрели на это представление с улыбками, счастливыми глазами.

Соня уселась на свой стул, одну салфетку заткнула за воротничок, другой накрыла колени, а третью вертела в руках, не зная, куда пристроить ещё и её.

– На голову положи, – шёпотом предложил брат.

Сонюшка надула губки, собираясь зареветь, но Лида быстро отняла у нее лишнюю салфетку и пристроила у себя на коленках.

– Ну, приятного аппетита всем, феям и не феям тоже! – сказал папа и стянул к себе на тарелку первый блинок.

Наступила тишина, все молча ели. С такими блинами, как у мамы, особо не поболтаешь, знай успевай жевать!

Лида положила Сонюшке на тарелку три блинчика, сметаны и варенья. Взяла себе, и вдруг подскочила:

– Мама! А бабушке Ксене ты отнесла блинчиков?

– Ой, батюшки, забыла! – Ольга прижала ладони к щекам, словно случилось что-то непоправимое.

– Сиди, мам, я сама отнесу, – сказала Лида, свернула несколько блинчиков треугольничками, положила по ложке сметаны и варенья, налила из чайника какао и пошла к соседке.

Соседка баба Ксения очень редко вставала с кровати, если бы не соседи, она бы уже с голоду умерла, наверное.

Вот и сейчас, постучавшись и войдя в комнату соседки, Лида увидела ее лежащей в постели, в комнате, давно не проветриваемой, стоял запах лекарств, пыли, и множество других не очень приятных запахов. От соседки как раз выходил старичок в длинном плаще, шляпе, и шарфе, намотанном на шею и прятавшем под собой седую бороду.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Лида, а про себя в который раз подумала – «шпион какой-то».

– Здравствуй, чадо! – ответил старичок. – И до свидания! А ты уж, матушка, держись, ты еще нужна. – Сказал старичок бабе Ксене и вышел, слегка поклонившись обеим сразу – и Лиде, и бабе Ксене.

Лида с интересом посмотрела на старичка. Два раза в месяц, в воскресенье, он обязательно приходил к соседке. До его прихода старушка даже от воды отказывалась. Всё это было очень странно, но все привыкли, и никто ничего не спрашивал. Кажется, только папа знал разгадку этой тайны, но молчал, как памятник.

– Доброе утро, баба Ксения! – громко сказала Лида, ногой пододвигая к кровати табуретку и устанавливая на ней тарелку и чашку. – Мама с утра блинчиков нажарила, вот я вам принесла. Кушайте!

– Спаси вас Господь, девонька! – пытаюсь сесть в кровати, прошелестела баба Ксения.

Лида помогла соседке сесть, взбила подушки, дала салфетку бабе Ксене в руку. Огляделась по сторонам.

– Баба Ксения, мы сейчас все идем в парк, кататься на лодочке. А потом, когда вернемся, я у вас приберу. А пока вот только окошко приоткрою немного, можно?

– Лидушка, а чего здесь прибирать? Мне всё равно. Я ведь умру скоро.

– Не говорите так! – испугалась Лида. Покойников она боялась, хоть и не видела ни одного в своей жизни.

– Ну а чего уж там... Не говорите... – прошамкала баба Ксения, обсасывая блинчик с земляничным вареньем. – Как есть, так и говорю. Пожила уж своё... Олечке, мамочке своей, спасибо передай, уж больно вкусно у нее все получается! Золотые ручки! Ну, беги, беги, детонька, а то все лодки уплывут – еле заметно улыбнувшись, проговорила баба Ксения.

Лида еще немножко постояла возле соседки, осторожно погладила её высохшую руку со старческими коричневыми пятнами, и выскочила из комнаты.

Вернувшись к себе, Лида, было, села за стол, но снова подскочила:

– Мам, а Мурыльду ты кормила?

– Да что за ребенок такой! – возмутилась мама. – Сядь и поешь, в конце концов! Мурыльда ваша первой позавтракала. Я ей сметанки дала и кусочек рыбы. Видишь, вон она, в кресле спит, довольная! А ты, если сейчас же не поешь, никуда не пойдешь! – сердито добавила мама.

– Оля, – тихо сказал отец. – Успокойся! Заботится девочка обо всех, разве плохо?

– Не плохо, Саша, но какой-то порядок должен быть! К тому же она сама ещё голодная! А о Мурыльде думает, – так же тихо ответила мама.

Этот разговор услышал только Костя. Он тоже считал, что сначала надо позаботиться о других, а потом уже и о себе. Поэтому сам, с улыбкой, положил на тарелку сестрѐнки блинчики и подвинул поближе вазочку с вареньем.

– Умничка, – тихонько шепнул он Лиде, и девочка расцвела от счастья.

А в кресле и вправду спала, вытянувшись во всю длину, необычайной красоты кошка. Лида помнила, как они, исцарапанные и в порванные платицах, притащили домой котѐнка, который застрял в кустах сирени.

Котик был удивительного окраса – весь черный, только на лапках белые аккуратные носочки, да кончик хвоста белый. А на черной голове, от ушей до кончика носа, расположилось ярко-рыжее сердечко. Ну как такую красоту не взять? Даже мама недолго сопротивлялась. Котика называли Мурзик. Мур. А месяца через три Мур, забравшись к папе на колени и подставляя брюшко – чеши меня, насмешил папу до слѐз.

Он взял котѐнка в руку, покрутил из стороны в сторону, поразглядывал, и со смехом произнес:

– Ну что, семейство, прощаемся с Муром!

Девочки сначала ничего не поняли, а Сонюшка моментально разревелась во весь голос, со всхлипами и подвываниями.

– Да не ревите вы! – весело сказал папа. – Просто это никакой не Мур. Это Мурка! Кошечка, девочка.

Сёстры мгновенно успокоились, а маленькая Сонюшка неожиданно сказала:
– Для такой королевской принцессы Мурка – это не имя! Мы будем звать её Мурыльда.
Спорить никто не стал, и королева Мурыльда стала чуть ли не главным членом семьи.

Глава 2

До парка добрались около полудня. И, конечно, все лодочки были уже разобраны. Соня надула губки, глядя, как по озеру плавают разноцветные лодки, и даже Лида чуть не заплакала.

– Опоздали, – горько произнесла она.

– Ничего, – весело ответил папа, оглядываясь по сторонам. – Мы пойдем вот на эту карусель, потом во-он на ту, а потом все будем есть мороженое! Может, и какая-нибудь лодочка освободится к тому времени. Или сперва мороженое? Ну, решайте!

Лида посмотрела на огромные хвосты очередей к билетным кассам возле качелей.

– Лично я не отказалась бы от мороженого. – Глядя в небо, негромко произнесла она.

– И я, папочка, да, и я тоже! – запрыгала вокруг отца Сонюшка.

– А мороженое из вас не вылетит потом на каруселях? – задумчиво спросил папа.

– Саша! – воскликнула мама. – Ну что ты детей дразнишь! Решили ведь – мороженое!

Повернулась и зашагала к киоску с мороженым. Лида и Сонюшка помчались вприпрыжку за мамой, а отец и Костя пошли неторопливо, солидно.

Из всех громкоговорителей слышалась веселая музыка, кругом цвели деревья и кустарники. Цветов было столько, словно их собрали сюда, в парк, со всей планеты.

У будочки с мороженым разыгралось лёгкое представление. Соня хотела два шарика малиновых, и один клубничный. Лида хотела малиновый, клубничный и еще просто молочный. Папа хотел пять шариков любого содержания, а мама только лимон. Запутались сами, запутали юную продавщицу в красивом белом передничке. А сёстры еще и на Костю обиделись. Нет, ну а чего он смеётся над ними?

Костя издали наблюдал за семейством и понимал, что долго не продержится. Мороженого хотелось до того, что зубы сводило. Папа хитро поглядывал на сына, откусывая сразу по полшарика.

– А молодой человек мороженое не хочет? – поинтересовалась продавщица.

– Хочет, тётенька, он хочет! – глядя на девушку синими-синими, круглыми, как у совёнка, глазами, прошептала Соня. – Только ему нельзя.

– Это почему же? – удивилась продавщица.

– Потому что он уже взрослый, он сам говорил! И еще он силу воли вырабатывает! – выболтала Сонюшка половину Костиных секретов.

Но Костя держался. Постукивал носком ботинка в такт бравому маршу, лившемуся из громкоговорителей почти с каждого столба.

– Ой, не могу с вами! Костя! – рассмеялась мама. – Господи Ты Боже мой, иди уже сюда!

Костя сдался и получил пять разноцветных шариков в большом вафельном стакане. А Сонюшка немедленно прицепилась к Лиде:

– Лида, а что такое Господи Ты Боже мой?

– Не что, а кто. – Машинально поправила сестрёнку Лида.

– Ну хорошо, – послушно согласилась Соня. – Кто такое Господи Боже мой?

– Ешь мороженое, – ответила сестра. – Вон, растаяло уже. А Боже – это так люди называют Бога. Но Бога никакого нет, поэтому и знать тебе не надо.

– Как нет? – возмутилась Соня. – Раз люди кого-то как-то называют, значит, это есть!

Родители с интересом прислушивались к спору сестрёнок, Костя тоже молча слушал.

– Нет! – твердо повторила Лида. – Нам в школе и учителя, и наша пионервожатая, всегда говорят, что Его нет. А в школе ведь не будут врать?!

– Зачем тогда говорить, если нет... – обиженно буркнула Сонюшка, недовольно глядя на старшую сестру.

Но аргумент, что в школе врать не станут, подействовал. Спор зачах, все сосредоточенно доедали мороженое.

И вдруг в парке настала тишина. Нехорошая, страшная какая-то тишина. Музыка умолкла, стало слышно пение птиц и шорох ветра в листве огромных старых деревьев. Но веселее от этого не становилось. Наверное, люди инстинктивно чувствовали, что молчание радио – не к добру...

Наконец в громкоговорителях что-то зашуршало, захрипело, и на весь парк раздался мужской голос:

– Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в четыре часа утра... Подвергли бомбёжке наши города... Вероломно... Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось... Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами!

– Молотов! Это товарищ Молотов объявил! Война! Война... – слышалось со всех сторон. Война...

Лида доела мороженое и посмотрела сначала на Костю, потом на отца. Костя стоял, сжав кулаки, забытое мороженое тяжёлыми каплями шлёпалось на асфальт. Папа стоял бледный, и по очереди оглядывал свою семью. Мама смотрела на папу. А Сонюшку интересовало только одно:

– Лида, Лидочка, а что такое велоровно?

– Не велоровно, а вероломно. Это значит, что мы им верили, а они нашу веру сломали.

Поняла?

– Поняла. А кому мы верили?

– Сонюшка, на, вытри ручки, и пойдем домой. – Лида протянула сестрёнке большой клетчатый носовой платок.

– Как домой? – Соня округлила глаза, надула губки...

– Домой! – твердо повторила Лида и крепко взяла сестру за руку. – Не до качелей сейчас.

Посмотри, всё закрывается!

Соня огляделась по сторонам. Да, закрывается. Люди торопливо расходятся по домам.

Папа обнимал белую, как снег, маму, и что-то тихонько шептал ей на ухо. Костя взял за одну руку Лиду, за другую – Сонюшку, и решительно зашагал к выходу из парка.

– Костя, а что такое война? – не выдержала всеобщего молчания Сонюшка.

– Война... Я не знаю, Соня, я никогда не воевал. Но, наверное, это очень страшно. Прилетают самолёты, бросают бомбы, а потом приходят солдаты и всех расстреливают.

– Всех? – губки у Сонюшки дрогнули, и она все-таки расплакалась.

– Ты дурак, Костя, да? – впервые в жизни нахамила Лида старшему брату. – Совсем, да? Ты чего такое говоришь?!

– А вообще, Сонька, мы их мигом разгоним, этих немцев, – спохватился Костя. – Так что не реви. У нас вон страна какая огромная, сколько народу живет! Куда им до нас! Так что победа будет за нами! – повторил он слова народного комиссара иностранных дел Вячеслава Молотова.

Мама с папой шли чуть позади, мама молчала, а папа говорил ей примерно то же самое, что Костя девочкам – пару месяцев, и фашисты будут разбиты! К осени о них уже забудут! Наше дело правое, победа будет за нами!

– А на лодочке мы так и не покатались – тоскливо сказала Соня.

– Ничего, сестренка, вот разобьём и прогоним эту нечисть, и на лодочке покатаешься, и на каруселях! – весело ответил Костя. Лида, внимательно слушавшая брата, отметила, что улыбается от только для виду, а глаза у Кости были тревожные, задумчивые.

– Нет, Костя, не покатаюсь, – вдруг серьёзно, совсем не по-детски, пробормотала Соня. – Они придут и всех нас из пистолетов расстреляют.

– Слушай меня внимательно, Соня! – старший брат присел на корточки и, глядя в зарёванные глаза сестренки, громко сказал:

– Никогда, Соня, слышишь, никогда им не добраться до Ленинграда! Мы не позволим им дойти до нашего города! – подхватил сестрёнку на руки, прижал к себе и зашагал дальше. Лида молча шла рядом.

Она тоже была уверена, что до Ленинграда фашистам ни за что не добраться, через две-три недели их просто размажут, как кашу. Вот только почему и у папы, и у Кости, такие серьёзные глаза, такие встревоженные лица?

На улицах царил неразбериха. Кто-то куда-то бежал, кто-то стоял, собрав вокруг себя народ и что-то громко говорил. И только глаза у всех были одинаковые, невидящие, обращённые внутрь... Каждый думал о чём-то своём.

Добравшись до дому, Богдановы, не сговариваясь, сели на большой диван в гостиной. Диван был новенький, совсем недавно купленный, с полочкой наверху. На полочке стояло стадо слонов. Точнее, семь штук, с поднятыми кверху хоботами. Слоники были разной величины, с самым большим иногда разрешалось поиграть Сонюшке.

Мама слоников очень любила, часто мыла их и аккуратно протирала мягкой тряпочкой. А папа слоников терпеть не мог, надеялся, что они когда-нибудь разобьются, и называл их «мещанством в квадрате». Слова были непонятные, но Лида, один раз услышав их, так звонко и весело рассмеялась, что и папа, и мама, замолчали и с удивлением глядели на дочку. Папа сделал страшные круглые глаза, но не выдержал и рассмеялся сам. Мама пожала плечами и принялась за третьего слона.

– Да ну вас, – только и проговорила она. – Не понимаете ничего.

А Лида представила, как папа ночью подкрадывается к дивану с маленьким молоточком, и каждого слоника по голове – тюк. Тюк. Тюк. Такая уморительная и забавная получилась картинка, что Лида досмеялась до слёз, и потом ещё долго хихикала.

Но смешно было тогда, раньше. Сейчас все сидели притихшие, Лида прижимала к себе Сонюшку, все молча смотрели на папу.

– Мама, папа, я сейчас пойду в военкомат. – решительно сказал Костя.

Он приготовился спорить и что-то доказывать, но отец неожиданно сказал:

– Вместе пойдем, Костя. Ждать повестку бессмысленно, она придет через день-два, так к чему это бестолковое ожидание?... В общем, так, девочки мои. Сидите дома, никуда ни шагу, мы с Костей вернёмся быстро.

Папа порылся в ящике комода, вытащил свои и Костины документы. Немного постоял посреди комнаты, о чём-то задумавшись. Потом кивнул сыну головой и они вышли из квартиры.

Быстро у них не получилось. Все военкоматы были забиты добровольцами, все мужчины города рвались на фронт. Военкомы гоняли своих подчинённых с разными бумагами из кабинета в кабинет. Наконец настала очередь отца и сына Богдановых.

Только к вечеру они вернулись домой.

– Мама... Девочки... – сказал Костя хриплым голосом. – Я уезжаю сегодня ночью. В двенадцать часов надо быть на вокзале.

– Ты уезжаешь на войну, Костя? – встревоженно глядя на брата, спросила Сонюшка.

– Да, карапузка, на войну. Но вы не волнуйтесь. Я быстро вернусь. Вот разгоним эту дрянь, и я вернусь. Mamochka, родная, не плачь и не волнуйся, тебе нельзя!

Ольга удивленно взглянула на сына – откуда знает? Костя молчал, а мама вновь опустила голову, и на стопку чистого белья, которое она приготовила для сына и мужа, закапали частые-частые слезинки. Какая разница, откуда он знает? Взрослый парень, догадался, поди. Да и живот у нее стал расти не по дням, а по часам... Четыре месяца уже.

Отец присел рядом с мамой, взял у неё с колен бельё и отложил куда-то за спину.

– Олюшка, родная, послушай меня. Костю мы проводим, а я уезжаю утром. Не плачь. У нас еще много дел.

– Саша... – только и проговорила мама. – Саша, как же мы?

– А вы сидите дома и ждёте нас с Костей. До осени мы вернемся. – Не очень уверенно сказал отец. – Нас миллионы, фашистов по сравнению с нами – горсточка!

– Да, тем не менее эта горсточка подмяла под себя пол-Европы! Уж мне-то не врите! У фашистов хорошо отлаженная, обученная, могучая военная машина! Каждый винтик-болтик на своём месте. Маленькая машина, да кусачая! Польша, Бельгия, Франция... Греция... Что вы на меня так смотрите? У нас каждый понедельник политинформацию проводили... И о договоренности о ненападении тоже. Да, нас миллионы. Но это миллионы рабочих и крестьян! Не с вилами же они на танки пойдут! Что вы смотрите? – Повторила Ольга.

– Оля, это вам так на политинформации говорили? – поражённо спросил папа.

– Конечно, нет. Просто, к сожалению, я не дурочка и умею думать... – тоскливо закончила Ольга свою речь.

– Мама, не говори так! – влезла во взрослый разговор воспитанная пионерка Лида. – Всё равно мы сильнее!

– Конечно, доченька! Мы сильнее! – подхватил папа, глядя на жену ошеломлёнными глазами. – Костя, сынок, отнеси Сонюшку в кровать, смотрите, спит ребёнок, а вам и дела никакого нет!

Костя осторожно прижал сестренку к груди, и медленно, тихо-тихо, чтоб не разбудить, понес малышку в спальню.

– Оля, Лида! Слушайте меня внимательно! Да, ты все правильно сказала, Оленька. Так все и есть. Но мы победим! Мы не отдадим нашу Родину никакой военной машине – ни маленькой, ни большой! – Отец взял маму за подбородок и заглянул в заплаканные глаза. – Ты веришь мне, Оля? Веришь?

– Да, – прошептала мама. – Верю.

– Ну вот и славно! Теперь за дело!

В комнату, уложив Сонюшку в кровать, вернулся Костя.

– Костя, слушай мою команду! – попытался пошутить папа, но вышло только хуже – теперь заплакала и Лида.

– Ну и что мне с вами делать? – с отчаянием спросил отец. – Няньку вам вызывать? С вами оставаться, да по подвалам прятаться? Я, майор медицинской службы, приказываю – отставить слезы!

Лида притихла и с удивлением посмотрела на отца. Её папа аж целый майор, а она даже не знала!

– Костя! – продолжал руководить папа. – Берём у бабы Ксении новую буржуйку, которую я ей принёс, и тащим сюда, вот, к окну. Нашу, старую – в чулан. Переносим кровать Лиды и ставим вот сюда, – папа ткнул пальцем в пол. – Нашу с мамой кровать тоже перетаскиваем поближе к печке, и ставим здесь. Баба Ксения будет спать на Лидиной кровати, а вы, вдвоем – на нашей. Всё понятно? Чтобы все были в одной комнате. Так и согреться можно быстрее. Костя, сейчас натаскаем из сарая дров побольше, сколько сможем. Да, и ещё... Если вдруг будет сильно холодно, а дрова закончатся, топите печку мебелью. Не жалейте! Рубите, пилите, и – в печку! Только книжки не жгите.

– Папа, но ведь сейчас лето... А ты так говоришь, словно к зиме нас готовишь. – Осторожно проговорила Лида. – Зачем нам ставить все кровати вокруг печки?

Отец только рукой махнул – исполняйте!

– Ой, – вдруг подскочила Лида. – А бабушка Ксения еще не знает ничего, она же велит «тарелку» приглушать, и никогда её не слушает! – Лида бросилась в комнату соседки, а Костя с отцом занялись перестановкой.

– Баба Ксения! Вы не спите? – на цыпочках подкрадываясь к соседке-старушке, громким шепотом спросила Лида.

– Нет, детонька, не сплю. Слушаю вот, что за окном творится. Вон во дворе с утра кричат – «Война! Война!» Правда это?

– Да, баба Ксения, правда. Утром товарищ Молотов по радио объявил, что на нас напала фашистская Германия.

А папа и Костя уже были в военкомате. Костя уезжает сегодня ночью, а папа завтра утром, в восемь часов. А ещё они решили, что мы все будем жить в одной комнате. Расставим кровати вокруг печки, так согреться можно быстрее. Но я вот думаю, что это не пригодится – к осени наша армия разотрёт немцев в порошок!

– Твой папа – мудрый человек, – только и ответила баба Ксения. – Да, всё так и должно было закончиться. Иначе власть сатаны не сломишь.

– Какого сатаны, баба Ксения?! Обычные фашисты! – Лида даже немножко рассердилась.

– И еще, Лидонька... девонька... Ты уж прости меня, старую. Я опять не успела...

Лида сразу поняла, о чём речь. Ходила баба Ксения совсем плохо, медленно, пять метров до туалета для неё превращался в настоящий поход, на который уходило, по меньшей мере, полчаса. И иногда за бабой Ксенией на полу оставались лужицы жёлтого цвета. Лида молча брала тряпку и мыла пол. Обе думали, что это секрет, на самом же деле, об этом знала вся квартира. И вытирали лужицы все.

Лида протерла в прихожей пол, и вернулась к старушке.

– Ну, баба Ксения, давайте собираться. Сейчас папа и Костя понесут вас в нашу комнату. Что вы хотите взять с собой?

– Да вещей-то у меня немного, детонька. Вот эти две книжки, теперь в нижнем ящике комода возьми свёрточек, завёрнутый в чёрную тряпочку. И икону – вон, в углу висит. Ну да ты знаешь. Всё, больше мне ничего и не надо.

Лида послушно собрала всё, что попросила старушка и стояла теперь посреди комнаты, не зная, что делать дальше.

– Пока твои-то за мной не пришли, переодень меня, золотко, в чистую рубашку.

Лида сложила вещички на печку, взяла висевшее на спинке кровати полотенце, сбегала с ним в кухню и облила из чайника горячей водой. Вернулась в комнату, привычно протерла все соседкины потайные места, и натянула на нее свежую ночную сорочку. Баба Ксения тяжело опустилась на подушку.

– Ну и слава Богу! Храни вас всех Господь, детонька!

Лида ничего не ответила.

В комнату, осторожно постучавшись, вошли папа и Костя.

– Ну что, бабушка Ксения, Лида вам все рассказала, объяснила? Вы согласны?

– Конечно, Сашенька! В этой квартире ты командир – как скажешь, так и будет. Да и придумали вы всё хорошо.

– Константин! – командным голосом произнес папа. – Сначала печку! Потом бабушку!

С печкой управились быстро и вернулись за бабой Ксенией. Отец осторожно завернул соседку в одеяло и взял на руки.

– Нет, Костя, – тихонько прошептал он, – матрац не надо, ты же видишь. Бери только подушку.

Устроили бабу Ксению на переставленную из детской Лидину кровать, поправили подушки, подоткнули одеяло... Баба Ксения отчего-то вдруг заплакала. Ольга села на краешек кровати и принялась что-то тихо соседке говорить.

Отец огляделся по сторонам, сам себе кивнул головой и махнул рукой Косте – за дровами!

Вскоре полкомнаты было завалено березовыми полешками, под столом громоздился мешок с картошкой, на книжный шкаф папа повесил «косичку» из больших, золотистых луковиц, а рядом, на полу, поставил большую бутылку с подсолнечным маслом.

– Только ты сама-то не поднимай! – сказал он маме. – Вот Лидочка тебе помочь будет. Мука ты знаешь где, в ларе на кухне, правда, там совсем немного осталось... Но вы завтра же пойдите с Лидой на базар и купите побольше, сколько сможете... Яиц вот у нас нет. Тоже купите... Картошки пока достаточно... Что еще?

– Ты майор, или шеф-повар? – печально улыбнулась мама. – Или ты думаешь, что я не знаю, где у нас мука? Хватит, Сашенька. Сядь, отдохни хоть пять минуток. Мы с Лидой со всем разберемся. А сейчас... – мама взглянула на громко тикающие на стене ходики. – Сейчас нам, наверное, пора на вокзал...

Она посмотрела на своего старшенького и горько вздохнула, еле сдерживая слёзы. Несмотря на могучее телосложение, стриженный и лопоухий Костя показался ей совсем мальчишкой. Да он и был мальчишкой, воспитанный на книгах, благородный, маленький мамин мальчишка. Что такое восемнадцать лет?

Костя подошел к кровати бабушки Ксении, наклонился и поцеловал соседку в сухую морщинистую щеку.

– До свидания, баба Ксения! Скоро увидимся!

Баба Ксения осторожно, чтоб никто не заметил, перекрестила маленького взрослого мальчишку, потом наклонила его голову к себе поближе, поцеловала в лоб и что-то прошептала.

Зачатая, родившаяся и повзрослевшая в этот страшный день новая, решительная девочка Лида, стояла рядом и молчала.

Глава 3

Народу на привокзальной площади, в здании вокзала и на перронах клубилось столько, что, казалось, снялся с насиженных мест и уезжает весь город.

Провожали первый эшелон. Ольга осмотрелась и взяла мужа за руку:

– Сашенька, ты посмотри... Одни мальчишки... Совсем мальчишки.

– Кто первым в военкомат прорвался, тот первым и уезжает. – хмуро ответил муж.

– Почему им сразу не выдали форму и оружие?

– Сказали, выдадут на месте, когда доедут.

«Тем, кто доедет» – привычно додумала Ольга невысказанную фразу.

Она обняла сына, прижалась к нему всем телом, целовала в шею, уши, ладони – везде, куда могла дотянуться.

– Сыночек, сыночек мой родной, любимый, бей гадину, бей, сколько сможешь! Но береги себя, слышишь? Костя, Костенька, береги себя!

Где-то далеко впереди призывно и тоскливо взвыл паровозный гудок.

Костя выпутался из кольца материнских рук, шагнул к отцу. Крепко обнялись. Молча. Потом Костя, вроде как в утешение, произнес:

– Ничего, пап, может, на фронте встретимся.

– Лучше не надо, – горько улыбнулся отец и попытался пошутить. – Ты забыл? Я военврач. Со мной на фронте лучше не встречаться.

Костя ещё раз крепко обнял отца, в очередной раз поразив его своей медвежьей силой, подхватил полупустой вещмешок и собрался бежать к вагону. Оглянулся. Мама стояла молча, беспомощно опустив руки. Костя бросил мешок на перрон, подскочил к матери, снова крепко обнял её и тихонько прошептал:

– Береги девчонок, мамочка! И мальчишку, что родится, береги! Я не знаю, что сказать ещё... Ты сама знаешь – победа будет за нами!

Но мать, похоже, ждала от сына совсем других слов. Она тоскливо и с надеждой смотрела на него. Он поздно это понял. Уже перекинув вещмешок через плечо, и собираясь бежать за дернувшимся, лязгающим, медленно катящимся составом, остановился, словно его молния ударила – при чём тут девчонки, братик, победа? Всё это мама и без него знает.

Он вернулся к матери, осторожно вытер ладонями слезинки с маминых щёк и сказал то, что было нужно:

– Я люблю тебя, мамочка! Люблю! Я буду писать!

Запрыгнул в медленно проезжающий мимо вагон и крикнул то, что кричали все:

– Я вернусь, мама!

Ольга обессиленно приникла к мужу и сказала:

– Он не вернётся, Саша. Наш Костя никогда больше не вернётся. Запомни его.

– Оля, Оленька, родная, да что ты! Что ты такое говоришь?

Ольга молча вынула ладошку из Сашиной руки и медленно, словно столетняя старуха, побрела к дому. Он не вернётся, она это знала. Откуда? Может, материнское чутьё подсказало. Но сегодня мать видела своего Костю в последний раз.

***

Дома было тихо, только баба Ксения что-то тихонько бормотала, да мирно посапывала Сонюшка.

Мама и папа ушли в детскую, а Лида осторожно, чтобы не разбудить сестрёнку, прилегла рядом с ней. Долго лежала без сна. Слушала, как в детской приглушённо разговаривают мама с папой. Мама неразборчиво шептала что-то сквозь слезы, отец, судя по тону, её успокаивал. Лида не специально подслушивала, просто слышимость была хорошая.

Вот скрипнула расшатанная Костина кровать. Через какое-то время разговор утих, слышалось только мерное поскрипывание кровати, мамыны всхлипы и приглушенный папин стон.

Баба Ксения вдруг громко захрапела, с переливами и бормотанием. Пионерка Лида хотела было спрятаться под подушку, но новая Лида схватила ее за косы и хорошенько напинала. Хватит. Не маленькая.

– Баба Ксения, не надо. – сказала новая Лида. – Я всё понимаю. Меня тоже не в магазине купили...

Старушка вздохнула и замолчала. Вскоре скрип прекратился и наступила полная тишина.

Утром провожали папу. Сонюшка проснулась и потребовала, чтобы её взяли с собой. Спорить ни у кого ни сил, ни желания не было. Лида надела на сестрёнку простое белое платье, заплела косичку. Папа терпеливо ждал – время в запасе ещё было.

Он подошёл к кровати бабы Ксении и что-то тихо ей прошептал.

– Конечно, сынок! За всех... – ответила старушка. – За всех буду молиться. Наклонись пониже, родной, благословлю.

Баба Ксения перекрестила папу и что-то прошептала.

Мама промолчала, а Лида и Сонюшка просто не заметили.

***

На улицах было тесно, реки людей стекались к вокзалу со всех сторон, непрерывным потоком. Народу было намного больше, чем ночью. Мама шла, вцепившись в руку мужа, Лида крепко держала за одну руку Сонюшку, за другую – папу. Шли молча. Всё, что можно и нужно было сказать – было уже сказано.

– Ну, вот и пришли, – дойдя до своего вагона тихо сказал папа. – Девочки мои родненькие! Не волнуйтесь! Мы разобьём их, даже не сомневайтесь! А вы, главное, друг друга берегите! Бабу Ксению не забывайте, помогайте ей.

– Папа! – не выдержала Лида. – Да мы ведь и так ей помогаем!

– Я открою вам тайну, – неожиданно сказал отец. – Баба Ксения – монахиня. Когда после революции их монастырь разогнали и закрыли, многих монахинь расстреляли. А бабе Ксении удалось бежать. Она пришла работать к нам в больницу. Никогда она не называла себя медсестрой. Только сестрой милосердия. И работала, сколько могла. Пока ноги держали – приползала на работу и исправно выполняла свои обязанности. Это я выхлопотал ей комнату в нашей квартире. А то вы всё удивлялись... Вот такие дела. Надеюсь, вы понимаете, что об этом говорить нельзя. Никому и никогда, пока она сама не разрешит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.